

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЖАНРОВ ФОЛЬКЛОРНОГО ЭПОСА

Сеферова Э. Э.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: seferova.esma@bk.ru*

В статье исследуется проблема взаимовлияния эпических жанров крымскотатарского фольклора. Установлено, что значительная часть крымскотатарских дестанов содержит сказочные мотивы, а некоторые почти совпадают по содержанию со сказками. Среди таких мотивов можно назвать мотив о превращении центрального героя в животное, столкновение с покровителями горы, леса, воды, языческими богами, мифическими персонажами; мотив о коне-покровителе, мотив о мачехе и падчерице (пасынке). Также установлено, что сказочные мотивы в любовно-романтических дестанах зачастую становятся основным стержнем сюжетно-композиционного построения. Аналитическое чтение романтического и героического дестанов позволяет увидеть в них творческую трансформацию – насыщение реалистическими деталями, средствами поэтической выразительности, вольным пересказом и т.д. Сказочные сюжеты и образы в дестанах функционируют в аппликативном виде. Они выступают как самостоятельные рассказы. Отдельные дестаны повторяют сказку не только своим содержанием, но и традиционными формулами, сказочными зачинами. Не все перечисленные нами дестаны и сказки равноценны по своим текстологическим и другим качествам. В одних – насыщение сказочного текста эпическими мотивами. В других – нетипичные для композиционных повествовательных схем переосмысления образов, расширения, сокращения эпических мотивов сюжета.

Ключевые слова: сказочный мотив, фольклорный эпос, контаминация, взаимовлияние, композиция, мифологема.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья является первым обзорным исследованием, в котором ставится цель дать общее представление о генетических взаимосвязях жанров фольклорного эпоса, оценить потенциал соответствующего наследия и очертить перспективы дальнейших исследований в данной области.

Проблема генетических взаимосвязей жанров фольклорного эпоса издавна привлекала внимание исследователей. Существование в дестанах художественного вымысла, идеализации центральных героев, отчетливой дидактической окраски героических деяний свидетельствует о наличии сказочных мотивов самых древних времен. Сказочные мотивы в дестанах претерпевают разнообразную творческую трансформацию от вольного рассказа до насыщения средствами поэтической выразительности и реалистическими деталями.

Предметом исследования является взаимовлияние эпических жанров крымскотатарского фольклора. **Объектом** изучения является сочетание в любовно-романтических и героических дестанах сказочных мотивов с элементами фантастики. **Цель** данной статьи – определить влияние сказочных элементов на сюжетно-композиционную структуру дестанов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Исследователями не раз отмечался контаминативный характер сюжетов в фольклорном эпосе. Среди книг, посвященных истории тюркской народной литературы, следует отметить фундаментальный труд российского тюрколога-академика В. В. Радлова «Образцы народной литературы северных тюркских племен», который, по выражению А. Н. Самойловича, «является первой серией капитальных трудов Радлова по возведению фундамента тюркологии» [13, с. 79–80]. Особого внимания заслуживает концепция ученого о ведущих, общих, традиционных мотивах народных сказаний «Козы Корпес и Баян Сулу («Къозукюрпеч ве Баян Сулу»). Так, опубликованный В. В. Радловым вариант «Козы Корпес и Баян Сулу» при его сопоставлении с вариантами других соседних тюркских народов позволяет выдвинуть ряд предложений об их *исходной сказочной основе* [11, с. 16–19].

Детальное исследование взаимоотношений эпических жанров представлено и в работах фольклориста К. Джаманаклы. Изучая особенности поэтики крымскотатарских сказок и дестанов, ученый размышляет о сказочных, отражающих конфликты морального характера мотивах, построенных на противопоставлении чистоты и подлости, а также о богатстве художественных приемов в дестанах, о выразительности сказочного стиля [3, с. 15]. Комментируя статьи К. Джаманаклы, исследователь Н. К. Эмирсуинова отмечает, что размышления К. Джаманаклы о роли мифологических образов, сказочных мотивов в развитии сюжета дестанов имеют непреходящее значение для крымскотатарской фольклористики и нуждаются в дальнейшем развитии и углублении с точки зрения данных современного сказковедения [16, с. 194].

Определенный вклад в изучение проблемы взаимовлияний эпических жанров, заимствования, а также странствующих сюжетов сделан фольклористом А. Н. Веселовским. Так, в книге «Поэтика сюжетов» исследователь увидел и доказал двусторонний процесс: «Заимствование предполагает встречную среду с мотивами или сюжетами, сходными с теми, которые приносились со стороны», – пишет он [2, с. 139].

Перечисляя наиболее значительные достижения, назовем работы Н. Бакирджи, В. М. Жирмунского, А. С. Мирбадлаевой, Г. А. Левинтона, С. Ю. Неклюдова, А. Омар, Ж. И. Сурковой [1; 4; 5; 9; 8; 10; 15]. Изучая мифопоэтические модели, концепции центральных героев в эпических жанрах, исследователь С. Ю. Неклюдов размышляет о «фольклорно-мифологических схождениях, не объяснимых ни языковым родством, ни культурной диффузией, но порой удивительно точных» [9].

В. М. Жирмунский, исследуя тюркский эпос, отмечает, что «присущие сказкам мотивы появились в сюжетах героических дестанов позднее, когда основная фабула их уже сформировалась» [4, с. 120]. Это подтверждается тем, что в героических дестанах сказочная фантастика служит лишь вспомогательным целям – более полному раскрытию героического характера центрального персонажа дестана, а сказочная сюжетика в композиции дестана находится на втором плане. Так, героическим дестанам «Чорабатыр», «Копланды батыр», «Эдиге» (вариант «Эдиге бий») присущ гиперболический показ героического подвига идеального героя. Множество таких сказочных моментов, как мотивы интеллектуального и

физического испытания и признания центрального героя, борьбы с мифологическими персонажами, со смертью, позволяет сближать их со сказкой. Если героический эпос – это широкое художественное обобщение исторической жизни народа, то в любовно-романтических дестанах, сформировавшихся несколько позже героических, мы наблюдаем совершенно иное воздействие сказок. В изображении героев и их подвигов важное значение имеет не столько гиперболизация, сколько красочный вымысел, что присуще именно сказочной поэтике. Особенно отчетливо выступают сказочные мотивы в дестанах «Нар къамыш» («Нар камыш»), «Таирнен Зоре» («Таир и Зоре»), «Ашыкъ гъарип» («Бедный влюбленный»). Известный исследователь М. С. Саидов в работе «Реалистическая основа народного эпоса» пишет: «По специфическим особенностям романтические дастаны в корне отличаются от старинных героических дастанов, созданных на реалистической почве. Основу романтических составляет фантастика, органически сочетающаяся со сказочными мотивами» [12, с. 234]. Важно отметить, что в любовно-романтических дестанах бытовой фон, жизнь показаны реальнее и многостороннее, чем в героических дестанах, и при этом также нельзя не увидеть влияния сказочного жанра, и в частности сатирико-бытовой сказки.

Большинство ученых, с чьим мнением мы солидаризуемся: Н. Бакирджи, А. Омар, Э. А. Сеферов, Н. К. Эмирсуинова и др. – утверждают, что сочетание реального и фантастического присуще именно любовно-романтическим дестанам, а это заметно отличает их от героического эпоса. Несомненный интерес в этом аспекте представляет впервые привлекаемый к исследованию дестан «Нар къамыш». Первое упоминание о дестане «Нар къамыш» имеется в исследованиях К. Джаманаклы и А. Усеина – сотрудников Научно-исследовательского института языка и литературы им. А. С. Пушкина. В книгу «Масаллар» (1941), составленную К. Джаманаклы и А. Усеином, вошли пятьдесят пять сказок и четыре дестана, жанровая форма которых, по-видимому, не была четко обозначена, и поэтому они были названы лирическими поэмами. О сомнениях фольклористов в четкости разграничения сказок и легенд, сказок и дестанов свидетельствует тот факт, что в школьные довоенные хрестоматии дестан «Нар къамыш», например, помещался как сказка. В дальнейшем при знакомстве с личным архивом составителей сборника сказок «Татар халкъ масаллары» (1959) выяснилось, что эти колебания сохранялись и после войны: к сказкам был отнесен сюжет о Козукюрпеч [16, с. 194]. Показательно, что важным компонентом развития сюжета дестана «Нар къамыш» являются такие сказочные мотивы, как мотив испытания, мотив сватовства, мотив добывания невесты, мотив смерти, а также мотив наделения человеческими свойствами предметов и явлений природы (например, животных, растений), мифических существ (например, «джады», «Газ давке», «арам балыкъ») и др., мотив превращения (например, младшего брата девушки в козленка), поглощения центрального персонажа дестана огромной рыбой – «арам балыкъ» [7, с. 356]. Сказочные мотивы, сюжеты и образы настолько органично входят в эпический контекст, что их невозможно выделить из семантического единства. К примеру, такие сказочные мотивы, как «раскалывающийся и прячущий в себе девушку камыш», «превращение младшего брата в козленка», «спасение жены падишаха» и многие другие, органично вошедшие

в повествовательную ткань, и составляют целостность эпического контекста. Некоторые же сказочные образы, сюжеты функционируют в аппликативном виде. Они составляют самостоятельные рассказы, сцены, эпизоды. Так, в дестане весьма часто аппликативруется формула Таз давке, обрамляются такие сюжеты и мотивы, как «околдование жены падишаха», «превращение героя в животное или птицу», «подкуп приближенных падишаха» и др. Особые функции в развитии сюжета принадлежат Таз давке, мифологическому образу, который встречается и в других жанрах крымскотатарского фольклора.

Важно отметить, что в ряде дестанов нередко противоречиво сочетаются разнообразие обороты, сказочные сюжеты, эпизоды. Примером может служить дестан «Эдиге». В древнюю основу его сюжета (женитьба центрального персонажа на девушке из потустороннего мира) были привнесены позднейшие видоизменения, которые нарушили его целостность и логическую завершенность. Так, после похищения яйца *тогъан анача* – ловчей птицы Куртлукая изгоняется на гору Карадаг и там встречает девушку невиданной красоты, на которой потом женится: *«Куньлернинъ биринде Къуртлукъая авдан кельгенде, эви сипирильген, ашы пишкен ве эвнинъ ичинде бир къыз отура, амма бу къыз ай десенъ авызы, кунь десенъ козю, къаранлыкъ еге чыракъ оладжакъ, дюльберликте – догъгъан айнынъ он дёрти. Бир пускюргенде мелевше япрагъы киби майыша экен»* (Однажды, возвратившись домой после охоты, Куртлукая увидел, что дом убран, двор подметен и еда в казане приготовлена, а во дворе сидит девушка невиданной красоты. Если сравнить ее с луной, то у нее есть рот, если сравнить с солнцем, то у нее есть глаза, а ночью, словно свеча, красотой освещает все вокруг. Нет ей равных на всем свете, она словно луна на четырнадцатый день. А когда она передвигается, то ее стан изгибается, словно лист фиалки) [6, с. 5]. В дестане «Эдиге» сказочные мотивы, образы и сюжеты (как и в дестане «Нар къамыш») функционируют в аппликативном виде. Они составляют самостоятельные повествовательные кадры (как «метасказка» – рассказ в рассказе). Так, аппликативруется формула Албасты (злой лесной дух, оборотень, ворожея), обрамляются такие сюжеты и мотивы, как «воздействие нечистой силы на хана Токтамышша», «поиск давнего врага», «мотив мести». Эпизод превращения супруги Куртлукая – Албасты в оборотня фиксирует общенародное представление о мифологических персонажах. Албасты устраивает несколько испытаний героя, которые перекликаются с известными сказочными сюжетами. Однажды, вернувшись с охоты раньше времени, без предупреждения, Куртлукая был испуган увиденным: *Апайынынъ бурнуна къарай – кенсиреги ёкъ, аягъына кърай – тобугъы ёкъ, къолтугъына къарай – опькеси ёкъ»* (Смотрит на лицо жены, а у нее нет носа, смотрит на ее ноги, а у нее нет пяток, смотрит на грудь, а у нее нет легких) [6, с. 6]. Рассказчик, подчиняясь древней традиции, повторяет устойчивые словосочетания – эпические формулы (*къарай ... ёкъ – смотрит... нет*), в которых выражается страх перед злым лесным духом, оборотнем, обитающим на горе Карадаг. Албасты появляется в связи с одним из самых древних мотивов в мировом фольклоре, а именно с мотивом наказания и смерти. Изгнанный за воровство на гору Карадаг, Куртлукая оказывается поглощенным злым лесным духом. В данном случае этот сюжет имеет экспозиционные функции и служит завязкой всего. То же самое можно

сказать и о других мотивах («спасение стариком-пастухом Эсеваем брошенного ребенка Албасты», мотив «предопределения судьбы», мотив «бочки в море, в которой заточена прекрасная девушка», мотив «троекратного поединка с семиголовой змеей» и т.д), органически вошедших в повествовательную ткань и составляющих художественную целостность дестанного контекста. Критерием сказочности текста служит наличие в нем типичного для сказок общего места – пробы силы противника путем запугивания его, путем забрасывания его в небо, изгнания в дремучий лес, в болотистые пространства. Наиболее мотивированно и детально развиты встречающиеся в сказках так называемые международные мотивы: мотив о клевете и оскорблениях жены падишаха, о Мировом древе. Соотношение перечисленных нами сказочных и эпических элементов свидетельствует о преимуществе первых над вторыми.

Основная сюжетная линия дестана «Таирнен Зоре» («Таир и Зоре») строится на основе группировки известных сказочных мотивов. Как и в сказках, в дестане «Таир и Зоре» падишах и визирь были бездетны, но после благословения саиля (мудреца) и съедения яблок, подаренных мудрецом, судьба подарила им детей. Супруга падишаха родила девочку – Зоре, супруга же визиря мальчика – Таира. Это древний мотив – просьба о наследнике – использован как вступление к дестану. Далее следует традиционный сюжет: Куртка (мифологический образ) порочит имя одного из центральных персонажей (Таира), он подвергается изгнанию в город Мердим, следуют разлука с Зоре, помощь мудрых старцев – «бабалыкъ» и «аналыкъ» (приемные мать и отец). Несмотря на то что в дестане события даются широко, обстоятельно, даже довольно реалистично, все же сказочный элемент явственно присутствует в ткани повествования как в сюжетно-композиционной структуре, так и в стилистике. Как в сюжете, так и в характеристике главных героев и ряда действующих лиц обнаруживается близкое сходство с «Легендой о золотой колыбели». Особенно перекликаются события, повествующие о предполагаемом замужестве Зоре. Как и Зехра, Зоре остается до конца верной клятве, данной Таиру. Как «Легенда о золотой колыбели», так и дестан «Таир и Зоре» завершается трагической смертью центральных героев. Важно отметить, что в дестане «Таир и Зоре» тема богатырства, романтические и героические, волшебные мотивы тесно переплетены, и потому изучение эпического сказания в сопоставлении со сказочным эпосом имеет большое значение для выявления жанровых взаимоотношений устного народного поэтического творчества. Так, богатырскими чертами наделен чобан – пастух, обвинитель социальной несправедливости и зла. Как и полагается эпическому богатырю, он выносит суровый приговор Куртке. Далее повествуется о соперничестве между дочерьми падишаха города Мердим из-за любви к Таиру – такая интрига широко распространена не только в крымскотатарских сказках, но и в сказках народов Востока. Отмечая «уникальность этой народной поэмы, полной архаики, сказочных мотивов, этнографии и других картин миропонимания древности», исследователь Э. А. Сеферов подчеркивает важную роль «стихотворных вкраплений в сказочной форме повествования» [14, с. 41]. Предметом детального осмысления исследователя во вступительной статье к книге «Таирнен Зоре» («Таир и Зоре») стали мифопоэтические модели, философские мотивы, художественные

стратегии и приемы живописной техники слова в дестане. К древнейшим сказочным мотивам относятся мотивы испытания и признания, «благопожелания» (алгыш) и «проклятия» (кьаргыш). Например, в стихотворной вставке крымскотатарского варианта дестана «Таир ве Зоре» («Таирнен Зоре») Таир, отправляясь в город Мердим, желает своим спутникам блага и добра, а затем, клянясь в верности возлюбленной Зоре, проклинает самого себя: *«Гидер исем огьрум олсун, Дерья денъиз ёлум олсун, Сенден гъайры яр севсем Эки де козюм кёр олсун»* (Уезжаю я, пусть сопутствует удача, Пусть дорога моя будет без препятствий, гладкой как морская гладь, но, если я полюблю другую девушку, Пусть ослепнут мои глаза) [6, с. 367]. Важно отметить, что мотивы проклятия и благопожелания отражали нравы и законы первобытного общества. Так, в сказке «Агълагъан нар ве кульген айва» («Плачущий гранат и смеющаяся айва») проклятие мифологического персонажа Ифрита превращает девушку Ибраим-кыз в мужчину-батыра. Данный сказочный мотив – символ и в то же время реликт мифологического ритуала инициации. Эти мотивы подвергались трансформации в соответствии с задачами времени. Так, международный сказочный мотив о бездетности правителя, падишаха и чудесного рождения главного героя, в крымскотатарских дестанах каждый раз как бы обновлялся и нес определенные смысловые нагрузки, отличающиеся своеобразием в раскрытии основной идеи того или иного фольклорного произведения. В частности, в устном народном творчестве издревле существуют мотивы, отражающие конфликт морального характера, например, между скромной и умной девушкой и развращенным падишахом. Мотивы, построенные на противопоставлении героизма и трусости, подлости и благородства, прослеживаются в общетюркских фольклорных памятниках. Этот факт также подтверждает наличие указанных мотивов в фольклорных жанрах самых древних времен. Независимо от первоначальной формы пересказа эти мотивы перешли, видимо, в дестаны из сказок. На это указывает существование в дестанах мифологических образов и ритуалов, художественного вымысла (женитьба Куртлукая на Албасты (мифологический образ) в дестане «Эдиге»), идеализации героев («чудесное» рождение в виде огня в дестане «Чорабатыр»), отчетливой дидактической окраски героических деяний. Так, в традиционных героико-богатырских сказках на передний план выдвигается героический образ богатыря, совершающего подвиги. Такой герой сражается с чудовищным змеем-драконом – Аждерха, великаном Дэвом и т.д. Соответствующие сюжетные условия эпической героики: мотивы, детали, сюжеты и т.д. – раскрывают героические черты и характер сказочного образа. Таковы «Сказка о Чамаширджи оглане», «Сказка о трех сыновьях падишаха и мудром ашуге», «Сказка о трех талисманах» и др. Так, в сказке «Памукъ кызы ве матюв огълан» с самого начала повествование развивается в эпическом направлении, однако в дальнейшем заметно влияние сказки. Превалирующими становятся не эпические, а такие сказочные мотивы и сюжеты, как «освобождение источника от чудовищного дракона», «узнавание настоящего героя» и др. Сказочные композиционные схемы при этом как бы существуют самостоятельно, они не нарушают традиционной эпической характеристики героя. Как и во всех дестанах, герой на крылатом коне долетает до «молочного источника», а затем до «медового источника», сражается с владыкой

подземного мира, владычицей подводного царства. Вместе с тем в этой сказке присутствует мотив «добывания невесты», мотив «испытания силы противника», мотив смерти. Обратимся к материалу сказки «Буюк-Ламбат масалы» («Буюк-Ламбатская сказка»), в которой значительное число повествовательных эпических элементов. Обратим внимание на центральные персонажи: Кучюк оглан (Младший сын) и его жена дочь падишаха – традиционные эпические герои. Кучюк оглан, преодолев голодные скитания, магические запреты, стену в «семь рядов из человеческих черепов», в которую встроены весы – символическое обозначение границы двух миров, мира настоящего и мира потустороннего, становится обладателем мудрости, недюжинной физической силы. Его супруга (дочь падишаха), выполняя магические обряды, вызволяет из водного плена Кокче обур (мифологический образ; ведьма, водяная чертовка) своего супруга. В сказке присутствуют мотивы добывания невесты, мотивы выкупа и спасения мужа, мотив смерти. Как и полагается эпическому богатырю, Кучюк оглан (он же младший сын падишаха) становится поборником справедливости, защитником обездоленных. Эпическая сущность героя выражается и в его поступках, когда он защищает народ от вторжения вражеских воинов и вступает в поединок с сорокаголовым драконом Аждерха, в сердце которого скрыта тайна бессмертия Кокче обур. Так эпическая характеристика героя свидетельствует об эпических элементах в содержании сказки. Однако их присутствие не обеспечивает смысловую композиционную и стилистическую целостность эпического жанра. К числу сказочных атрибутов относятся мотивы превращения героя в птицу, Железного Льва, мотив поверженного великана Аждерха, наличие присказки: *«Къаплы-къуплу бакъалар Къанатланды учмагъа, Денъиздеки балыкълар Кира тутты кочъмеге... Акъмеджитнинъ минареси Эгильди, Салгъырдан сув ичмеге, Туттым пиренинъ бирини. Аман басып сойдым. Алтмыш окъкъа эти чекти, етмиш окъкъа майы чекти. Алдым чызмаларымны майладым. Бирине етти, бирине етмедим...»* («Черепяхи полетели, крылья заимели! Рыбы морские займы их попросили. Принялись тоже летать! В Акъмесджите минарет наклонился, Чтоб в Салгире вод напитокъ... Вот поймал и я блоху, как овцу ее зарезал. Мясa в ней – 60 окка, жира в ней 70 окка! Смазал жиром я сапог, на другой-то не хватило!..» (Перевод Н. К. Эмирсуиновой) [7, с. 16].

ВЫВОДЫ

Исследование взаимовлияния эпических жанров крымскотатарского фольклора имеет большое значение для выявления жанровых взаимоотношений устного народного поэтического творчества. Возникновение близких мотивов в сказках и дестанах уходит корнями далеко в глубь веков. Большинство из них существовало в мифах и древних легендах, созданных на основе первобытных представлений; впоследствии некоторые из этих мифов и легенд трансформировались в сказки и дестаны. Установлено, что не только любовно-романтические, но и героические дестаны формировались и развивались под влиянием сказочных мотивов. Некоторые дестаны повторяют сказку не только своим содержанием, но и традиционными формулами, специфическими приемами повествования. Несомненно, эти мотивы подвергались изменениям в соответствии с задачами времени. В числе ключевых

факторов, позволяющих говорить о разнообразных творческих трансформациях сказочных мотивов в дестанах, следует указать особенности проявления вольного пересказа, сокращения, насыщения реалистическими деталями, средствами поэтической выразительности. Анализ показывает, что не все перечисленные нами дестаны и сказки равноценны по своим текстологическим и другим качествам. В одних мы наблюдали насыщение сказочного текста эпическими мотивами, сказочно-эпическую двухмерность. В других же – нетипичные для композиционных повествовательных схем переосмысления образов, расширения, сокращения эпических мотивов сюжета. Тема требует монографических исследований как обобщающего характера, так и по каждому жанру отдельно. Тому залог – все увеличивающееся количество публикаций фольклорного материала, а также совершенствование методов анализа соответствующих проблем в отечественной фольклористике.

Список литературы

1. *Bakirci, N.* Qırımtatar Masalınıñ motif yapısı [Текст] / N. Bakirci // Qırımtatar Masalları. Копуа. 2010. – Р. 61–99.
2. *Веселовский, А. Н.* Поэтика. Поэтика сюжетов [Текст] / А. Н. Веселовский // Собр.соч. в 3-х томах. Т.2. Вып.1.– СПб, 1913. – С. 301.
3. *Джаманаклы, К.* Къырымтатар халкъ масаллары хакъкъында [Текст] / К. Джаманаклы // Совет эдебияты. – 1941. – №2. – С. 21-30.
4. *Жирмунский, В. М.* Тюркский героический эпос [Текст] / В. М. Жирмунский. // Ленинград: Наука. – 1974.– С. 728.
5. *Мирбадалева, А. С.* О некоторых принципах отбора и публикации текстов эмпиических произведений в серии "Эпос народов СССР" (на примере эпоса тюркоязычных народов) // Фольклор: издание эпоса. – Москва: Наука, 1977. – 287 с.
6. Крымтатар халкъ агъыз яратыджылыгы [Текст] / Хрестоматия: Пед.ин-тынынъ филология фак. Кърымтатар тили ве едебияты болугининъ студ. ичюн (Тертип этиджи Д. Бекиров). – 1991. – 248 с.
7. *Къырымтатар халкъ масаллары [Текст] / Тертип эткенлер К. Джаманаклы, А. Усеин. - 2-нджи, ишленильген нешир. – Симферополь, Крымучпедгиз, 2008. – 384 с.*
8. *Левинтон, Г. А.* "Интертекст" в фольклоре: фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – 2000. – С. 21–28. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levinton1.htm>. – (Дата обращения: 20.02.2022).
9. *Неклюдов, С. Ю.* Авантекст в фольклорной традиции [Текст] / С. Ю. Неклюдов // Живая старина. – 2001.
10. *Омар, А.* Пространство и время в мифологии доисламских тюрков. – Режим доступа: <http://www.gunivers.ru/philosophy/logosphere/143996/>. – (Дата обращения: 25.02.2022).
11. *Радлов, В. В.* Образцы народной литературы северных тюркских племен. Часть VII. Народы крымского полуострова [Текст] / В. В. Радлов. – 1896. – С. 1–237.
12. *Саидов, М. С.* Реалистическая основа народного эпоса [Текст] / М. С. Саидов // Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции «Фольклор, Литература и История Востока». Сборник докладов и тезисов (Ташкент, 10 – 12 сентября 1980 г.).
13. *Самойлович, А. Н.* Радлов как тюрколог [Текст] / А. Н. Самойлович // Революция и национальности. – 1937. – №2. – С.79-81.

14. Сеферов, Э. А. Картина мира и мир образов в феномене род [Текст] / Э. А. Сеферов // *Qasevet*. – 2012. – №39. – С. 41–52.
15. Суркова, Ж. И. Уровни и виды вариативности сказочного текста. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Surkova>. – (Дата обращения: 22.12.2021).
16. Эмирсуинова Н. К. История становления крымскотатарского сказковедения [Текст] / Н. К. Эмирсуинова. Режим доступа: http://ilmiyqirim.blogspot.com/2014/10/blog-post_15.html.
17. Эмирсуинова, Н. К. Проблема вариативности и авантекста в крымскотатарской сказочной прозе [Текст] / Н. К. Эмирсуинова // Крымское историческое обозрение. Научный журнал. – 2016. – № 2. – С. 123–132.

References

1. Bakirci N. *Qırımtatar Masalınuñn motif yapısı* [Ancient Motifs in Crimean Tatar Fairy Tales] / N. Bakirci // *Qırımtatar Masalları*. Konya. 2010, pp. 61–99.
2. Veselovskij A. N. *Pojetika. Pojetika sjuzhetov* [Poetics. The Poetics of Plots] / A. N. Veselovskij // *Sobr.soch. v 3-h tomah*, 1913, Tom.2. no 1, p. 301.
3. Dzhamanakly K. *Kyrymtatar halk masallary hakkynda* [About Crimean Tatar Folk Tales] / K. Dzhamanakly // *Sovet jedebijaty*. 1941, no 2, pp. 21-30.
4. Zhirmunskij V. M. *Tjurkskij geroicheskij jepos* [The Turkic Heroic Epic] / V. M. Zhirmunskij. // Leningrad: Nauka, 1974, p. 728.
5. Mirbadaleva A. S. *O nekotoryh principah otbora i publikacii tekstov empicheskikh proizvedenij v serii "Epos narodov SSSR" (na primere eposa tyurkoyazychnyh narodov) [On some Principles of Selection and Publication of Texts of Epic Works in the Series "Epic of the Peoples of the USSR" (On the Example of the Epic of the Turkic-speaking Peoples)]. Fol'klor: izdanie jeposa*. Moskva: Nauka, 1977. – 287 c.
6. *Krymtatar halk agyz jaratydzhylygy* [Crimean Tatar Folk Art]. 1991, 248 p.
7. *Kyrymtatar halk masallary* [Crimean Tatar Folk Tales]. 2008, 384 p.
8. Levinton G. A. "Intertekst" v fol'klоре: fol'klор i postfol'klор: struktura, tipologija, semiotika. ["Intertext" in Folklore: Folklore and Post-Folklore: Structure, Typology, Semiotics.]. 2000, pp. 21–28. Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levinton1.htm> (accessed 24 January 2022).
9. Nekljudov S. Ju. *Avantekst v fol'klорnoj tradicii* [Avantext in the Folklore Tradition], 2001.
10. Omar A. *Prostranstvo i vremja v mifologii doislamskih tjurkov* [Space and Time in the Mythology of the pre-Islamic Turks] – Available from: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/143996/> (accessed 10 February 2022).
11. Radlov V. V. *Obrazcy narodnoj literatury severnyh tjurkskih plemen*. [Samples of Folk Literature of the Northern Turkic Tribes]. *Chast' VII. Narody krymskogo poluostrova*. 1896, pp. 1–237.
12. Saidov M. S. «*Realisticheskaja osnova narodnogo jeposa*» [The Realistic Basis of the Folk Epic]. *Materialy III Vsesojuznoj tjurkologicheskoy konferencii «Fol'klор, Literatura i Istorija Vostoka»*. Sbornik dokladov i tezisev (Tashkent, 10 – 12 sentjabrja 1980 goda.).
13. Samojlovich A. N. *Radlov kak tjurkolog* [Radlov as a Turkologist]. *Revoljucija i nacional'nosti*, 1937, no. 2, pp. 79–81.
14. Seferov Je. A. *Kartina mira i mir obrazov v fenomene rod* [The Picture of the World and the World of Images in the Phenomenon of Gender]. *Qasevet*, 2012, no. 39, pp. 41–52.
15. Surkova Zh. I. *Urovni i vidy variativnosti skazochnogo teksta* [Levels and Types of Variation of Fairy-tale Text]. Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Surkova> (accessed 6 December 2021).

16. Jemirsuinova N. K. *Istorija stanovlenija krymskotatarskogo skazkovedenija* [The History of the Formation of Crimean Tatar Fairy-tale Studies]. Available from: http://ilmiyqirim.blogspot.com/2014/10/blog-post_15.html.
17. Jemirsuinova, N. K. *Problema variativnosti i avanteksta v krymskotatarskoj skazochnoj proze* [The Problem of Variability and Avantext in Crimean Tatar Fairy-tale Prose]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie. Nauchnyj zhurnal*, 2016, no. 2, pp. 123–132.

ON THE ISSUE OF STUDYING THE GENETIC INTERRELATIONS OF GENRES OF FOLKLORE EPIC

Seferova E. E.

The article examines the problem of mutual influence of epic genres of Crimean Tatar folklore. It has been established that a significant part of the Crimean Tatar destans contains fairy-tale motifs, and some almost coincide in content with fairy tales. Among such motives are the motive of the transformation of the central character into an animal, a clash with the patrons of the mountain, forest, water, pagan gods, mythical characters; the motive of the patron horse, the motive of the stepmother and stepdaughter (stepson). It is also established that fairy-tale motifs in love-romantic destans often become the main core of plot-compositional construction. Analytical reading of romantic and heroic destans allows us to see in them a creative transformation - saturation with realistic details, means of poetic expressiveness, free retelling, etc. Observations show that fairy-tale plots and images in destans function in an applicative form. They act as independent stories. Individual destans repeat the fairy tale not only with their content, but also with traditional formulas, fairy-tale beginnings. A detailed understanding and analysis of the folklore epic has shown that not all the destans and fairy tales listed by us are equivalent in their textual and other qualities. In some cases, the saturation of the fairy-tale text with epic motifs. In others - atypical for compositional narrative schemes of rethinking images, expansion, reduction of epic motives of the plot. Many observations of researchers about the combination of fantastic elements with fairy-tale motifs in the devotional creativity of the Crimean Tatar people are waiting for further detail and in-depth study.

Keywords: fairy-tale motif, folklore epic, contamination, mutual influence, composition, mythologeme.